

МАЙКЛ
КАННИНГЕМ
ПЛОТЬ
И КРОВЬ

Перевод с английского
Сергея Ильина

издательство **АСТ**

Москва

Содержание

Слова благодарности

9

I. БАЛЕТ АВТОМОБИЛЕЙ

15

II. ПРЕСТУПНОЕ ЗНАНИЕ

171

III. ВНУТРИ МУЗЫКИ

357

I. Балет автомобилей

1935

Работая в огороде отца, восьмилетний Константин думал о собственном огородке, о квадрате гранита, припорошенного почвой, которую он тайком затащил на холм, возвышающийся над землей его семьи, а после соорудил на нем грядки. Сегодня он первым делом прополол отцовскую фасоль, потом поползал среди узловатых утолщений отцовской же лозы, привязывая норовившие вырваться на свободу усики к кольям грубой бурой веревкой, обладавшей, казалось ему, окраской и строением праведных, но обреченных на неудачу усилий. Когда отец говорил, что они “урабатываются до смерти, лишь бы остаться в живых”, воображению Константина рисовалась именно эта веревка, грубая, крепкая, блеклая, с выбившимися из нее наэлектризованными волосками, — она пыталась увязать в неуклюжий сверток весь мир, который этого ничуть не желает, да никогда увязанным и не останется, совершенно как виноградные лозы, упрямо рвущиеся к свободе, выбрасывая под странными, исступленными углами тянувшиеся к небу

усики. То была его работа, одна из работ, — воспитывать лозу, и он давно уже проникся к ее необузданному упорству презрением и уважением сразу. У лозы имелась собственная тайная, запутанная жизнь, дремлющая воля, но если она нарушит заведенный порядок и отъединится от кольев, на орехи достанется ему, Константину. Безжалостный глаз отца умел отыскивать дурную соломинку в целом стоге благих намерений.

Итак, работая, он думал о своем огороδικе, укрытом солнечным блеском на верхушке холма, о трех квадратных футах, до того бесполезных для определенного раз и навсегда отцовского будущего, что их отдали в игрушку Константину, самому младшему в семье. Слой почвы был там чуть выше четверти дюйма — да и не почвы, пыли, набившейся в трещинки покато́й гранитной площадки, однако Константин собирался заставить ее плодоносить, подчинив себе эту землю решимостью и трудом, натиском воли. Он стянул у матери из кухни с десятков семян — тех, что прилипали к лезвию ножа или просто падали на пол и оставались не замеченными ею, как ни усердствовала она в попытках избежать греха расточительности. Огородик лежал на верхушке выжженного солнцем холма, никто туда не заглядывал; если семена дадут всходы, он сможет ухаживать за ними, никому об этом не говоря. Он подождет до времени, когда начнется сбор урожая, и однажды триумфально спустится вниз с кабачком, стручком перца, а то и помидором и пройдет осенними сумерками к дому, где мать будет накрывать стол для собравшихся ужинать отца и братьев. Чеканное золото неба встанет за его спиной. Свет неба ворвется, когда он распахнет дверь, в полумрак

кухни. Отец, мать, братья, все уставятся на него, на недомерка, от которого ничего путного ждать не приходится. Стоя посреди виноградника и озирая раскинувшийся внизу мир — развалины фермы Папандреуса, оливковые рощи компании “Каламата”, далекое мерцание города, — Константин думал о том, как однажды он поднимется по скалам и увидит выпроставшиеся из клочка принадлежащей ему пыли зеленые побеги. Священник уверял, что усердие и слепая вера способны творить чудеса. Что же, вера у него была.

И усердие тоже. Каждый день, получив свою порцию воды, он половину ее выпивал, а половиной опрыскивал свои посевы. В этом ничего трудного не было, однако ему требовалась почва получше. Жаль, что мать сшила для него штаны без карманов, ведь о том, чтобы пронести две горсти земли из отцовского огорода мимо козьего загона и подняться с ними по горбтому склону холма, оставшись при этом никем не замеченным, нечего было и думать. Но он все-таки нашел один способ: в конце рабочего дня он наклонялся — якобы для того, чтобы привязать последнюю лозу к основанию кола, — и набивал землей рот. Привкус она имела пьянящий, навозный; чернота, облекавшая язык Константина, была и тошнотворной, и странно, опасно лакомой. Так, с полным ртом, он и поднимался по крутому уклону двора к скалам. Он почти ничем и не рисковал, даже если ему случилось проходить мимо отца или кого-то из братьев. Они привыкли к его молчанию. Считали, что он молчит просто по глупости. Он же молчал потому, что боялся сказать что-то не так, ошибиться. Мир состоял из ошибок, мир был их колючим клубком и никакими

веревками, сколько хитроумных узлов ни навяжи, скрепить их так, чтобы они не лезли наружу, было невозможно. А наказание поджидало Константина за каждым углом. И потому умнее всего было помалкивать. Каждый вечер он в привычном для всех молчании проходил мимо братьев, еще возившихся с козами, и втягивал щеки, дабы никто не догадался, что у него набит рот. Пересекая двор и поднимаясь на холм, он изо всех сил старался не сглатывать, однако это неизменно случалось — грязь стекала в горло, наполняя его едкой чернотой своего вкуса. Почву здесь смешивали с козьим пометом, от которого на глаза Константина наворачивались слезы. И все-таки, добравшись до вершины, он выплевывал на ладонь приличных размеров катыш раскисшей земли. А потом торопливо, боясь, что кто-то из братьев увяжется за ним, чтобы его подразнить, размазывал пригоршню пропитанной слюной грязи по своему крошечному огороду. Он втирал эту землю в гранит и думал о матери, почти не глядевшей на него, потому что в жизни ее более чем хватало хлопотных дел, за исполнением коих ей полагалось приглядывать. Думал о том, как она приносит еду его прожорливым, горластым братьям. О том, как изменится ее лицо, когда он, собрав свой урожай, войдет вечером в дверь дома. Сначала он постоит в косом и пыльном луче света перед своей удивленной семьей. А после приблизится к столу и выложит на него то, что принес: стручок перца, кабачок, помидор.

1949

— Какая ночь, а? — сказала Мэри.

Константин не смог ответить. От ее храбрости и красоты, от самого присутствия рядом с ним этой бледной, стройной девушки у него перехватывало горло. Он сидел на покрякивавшей скамье-качалке родителей Мэри и смотрел на нее, опиравшуюся о перила веранды. Юбка льнула к ее ногам, ночной нью-джерсийский ветерок играл ее волосами.

— В такие ночи я становлюсь сама не своя, — продолжала она. — Ты посмотри на эти звезды. Так и хочется зачерпнуть их ладонями и высыпать тебе на голову.

— Ммм, — промычал Константин, надеясь, что этому сдавленному стону удастся выразить наслаждение, которое он испытывает.

Прошло почти уж полгода, а он все не мог поверить своему счастью. Не мог поверить, что встречается с такой изумительной американской девушкой. Теперь у него было две жизни, вторая — в ее голове. И едва ли не каждую минуту он испытывал страх, что Мэри поймет, как сильно она ошиблась.

— Ты замечательно выглядел бы, осыпанный звездами, — сказала она, однако по тону ее Константин понял, что эта тема ей уже наскучила.

Когда голос Мэри понижался, а руки лениво вспархивали к волосам, это означало, что разговор стал ей неинтересным, хоть она и могла продолжать его, не вслушиваясь в то, что говорит. Константин никогда еще не встречал человека такого стойкого и так легко впадающего в скуку.

Чтобы вернуть ее назад, он спрыгнул с качалки, подошел к перилам. И теперь смотрел вместе с Мэри на задний дворик ее родителей, на сарайчик, в котором ее отец держал инструменты, на безумную россыпь звезд.

— Если кто и выглядит замечательно, так это ты, — прошептал он.

— О, я ничего себе, — отозвалась, не взглянув на него, Мэри. Тон ее все еще оставался ленивым, сонным. — А вот ты — настоящий красавец и знаешь это. Одна девочка из школы на днях спросила, не боязно ли мне встречаться с таким красивым мужчиной. Она считает, что с нашими домашними увальнями как-то спокойней.

— Так я и есть домашний, — сказал он.

Вот тут она повернулась, чтобы взглянуть на него, и Константин удивился, увидев на ее щеках румянец гнева.

— Не жеманничай, — сказала она. — Мужчине это не к лицу.

Опять он сказал что-то не то. Он решил, что Мэри говорит о мужчинах, которым хочется обзавестись домом, семьей. Он неизменно старался выглядеть в ее глазах человеком, обладающим качествами, которые ей больше всего по душе.

— Я не... — начал он. — Я только хотел...

Она провела пальцами по его груди:

— Не обращай внимания. Я немного дерганая сегодня и не без причины. У меня от таких звезд всегда ум за разум заходит.

— Да, — сказал он. — Звезды очень красивые.

Мэри отняла пальцы от его груди, снова повернулась лицом к двору и начала наматывать на палец прядь своих волос. Константин смотрел на этот палец, томясь сжимавшим ему горло в комок желанием.

— Только зря они тратят свой свет на Ньюарк, — сказала Мэри. — Посмотри на них, сверкают что есть мочи. Грустно это, тебе не кажется?

Ньюарк Константину как раз и нравился. Нравилась его горделиво уходившие в небо дымовые трубы, простая, домашняя понятность прямоугольных кирпичных зданий. Но он понимал: Мэри хочет услышать от него слова презрения к этим заурядным красотам, которые и полюбились-то ему лишь благодаря знакомству с ней.

— Грустно, — согласился он. — Да, это очень грустно.

— Ах, Кон, как я устала от... Не знаю. От всего.

— Устала от всего? — повторил он.

Мэри рассмеялась и в смехе этом Константин услышал отзвук издевки. Временами он говорил что-то, представлявшееся ей смешным, а почему, Константин понять был не способен. Ему нередко казалось, что самые простые утверждения его или вопросы словно доказывают справедливость какой-то горькой шутки, одной только Мэри и известной.

— Ну, от школы. Совершенно не понимаю, зачем мне история с геометрией. Я хочу работать, как ты.

— Работать в бригаде строителей? — удивился он.

— Да нет, глупыш. Но я же могла бы работать в офисе. Или в одежном магазине.

— Ты должна окончить школу.

— Не понимаю зачем. Учеба мне не дается.

— Тебе все дается, — ответил он. — Все, что ты делаешь.

Она намотала прядь на палец потуже. Опять рассердилась. Разве с ней заранее угадаешь? Временами лезть приходилась кстати. А временами Мэри отбрасывала ее, точно пригоршню камушков.

— Я знаю, ты считаешь меня совершенством, — низким голосом произнесла она. — Ну так я не такая. И тебе, и моему отцу пора бы понять это.

— Я понимаю, что ты не совершенна, — сказал он и сразу сообразил, что голос его звучит неправильно — неискренне, слишком молодо, с каким-то винноватым попискиванием. И поспешил добавить в него нотки пониже: — Просто я люблю тебя.

А это утверждение — оно тоже часть безмерной, недоступной его разумению шутки?

Похоже, что нет, — Мэри не засмеялась.

— Мы оба повторяем это и повторяем. — Она по-прежнему вглядывалась в двор. — Люблю, люблю, люблю. Откуда ты знаешь, Кон, что любишь меня?

— Я знаю любовь, — сказал он. — Я думаю о тебе. Все, что я делаю, — для тебя.

— А если я скажу, что иногда не вспоминаю о тебе по несколько часов?

Он не ответил. Какой-то зверек, кошка или опосум, тихо рылся в одном из мусорных баков.

— Это не значит, что ты мне безразличен, — про-

должала Мэри. — Небезразличен, очень. Может быть, я просто пустышка. Но разве любовь не должна изменять все-все? А я остаюсь такой, какой была всегда. По-прежнему просыпаюсь утром и думаю: ну вот, нужно прожить еще один день.

Уши Константина наполнил отдающийся эхом океанский гул. Неужели сейчас это и произойдет? Неужели она скажет, что лучше им какое-то время не встречаться? И чтобы остановить время, наполнить чем-то воздух, он сказал:

— Я могу увезти тебя, куда ты захочешь. Сейчас я помощник бригадира, но скоро узнаю достаточно для того, чтобы получить другую работу.

Она повернула к нему посветлевшее лицо.

— Я хочу лучшей, чем эта, жизни, — сказала она. — Я не такая уж и жадная, честное слово, просто...

Взгляд ее оторвался от лица Константина, пробежался по веранде, на которой они стояли. И Константин увидел эту веранду глазами Мэри. Ржавая качалка, картонный ящик с молочными бутылками, глиняный горшочек с чахлой геранью. Константин сознавал, что внутри дома перемещаются ее родители и братья и у каждого множество собственных поводов для недовольства. Отец Мэри отравлен фабричной пылью. Мать живет среди руин красоты, которая, как она наверняка полагала когда-то, сможет перенести ее в другую, лучшую жизнь. Бездельник Джоуи, брат Мэри, все еще ищет, где лучше, повинувшись слепому инстинкту, — словно рыба, ищущая, где глубже.

Константин сжал ладошку Мэри в своей.

— Все будет, — сказал он. — Да. Все, чего ты хочешь, случится.

— Ты правда так думаешь?

— Да. Да, я в этом уверен.

Она закрыла глаза. В этот миг никакая шутка ему не грозила, и он понял, что может поцеловать Мэри.